

Секс и совесть эпохи

Константин КЕДРОВ

Юрий Нагибин
«Остров любви». М.,
ОЛМА-ПРЕСС, 2004

Главная трагедия Нагибина четко сформулирована самим писателем: «Что с тобой творится, мой народ?! Ты так и не захотел взять свободу, взять толкающиеся тебе в руки права, так и не захотел глянуть в ждущие глаза мира, угрюмо пряча воспаленный взор. Ты цепляешься за свое рабство и не хочешь правды о себе». Этот портрет нашего электората словно списан Нагибиным с головы раба на картине Иванова «Явление Христа народу». Похоже, что свобода действительно оказалась нежеланным и мимолетным гостем, как Христос в Палестине.

К счастью, Нагибин жил не общественной, а личной, я бы сказал, интимной жизнью. Литератор-эротоман, попавший по ошибке в эпоху советского пуританства, только в конце своей жизни получил возможность открыто говорить «про это». Так возникла повесть «Моя золотая теща». Ничего особенного, обычное дело — роман с уже увядающей, но еще не опившей тещей. Советские писатели так же неумелы в описании любви, как и постсоветские постмодернисты. Грудь, сперма, лифчики, трусики, халатик. Все на уровне пятиклассника, как в романах Виктора Ерофеева и Владимира Сорокина. Возможно, что русская литература вообще не для этого и не об этом. Набоков (не путать с Нагибиным) — приятное для одних и неприятное для других исключение.

Нет, Нагибин не беллетрист, хотя легко мог стилизоваться и под паустовскообразного деревенщика, и под пикантообразного исторического биографа выдающихся полубытых личностей вроде Третьяковского. Истинное призвание Юрия Марковича — публицистика. Она в советское время была такой же запретной, как секс. Неудивительно, что Нагибину понадобилось лет пять свободы, что-

бы по-настоящему раскрепоститься и сказать все как есть. Его повесть «ТЬМА в конце тоннеля» дает ответ на один из самых болезненных вопросов русской истории. Да, это тот самый пресловутый еврейский вопрос, загубивший многие талантливые души. Сгубил он окончательно и математика Шафаревича, и писателя Солженицына. Чума какая-то, да и только. Интересную мысль высказывает Нагибин о неожиданном кульбите Сталина после войны, когда бытовой антисемитизм вождя внезапно перерос в государственную политику. «Он уже понял до конца, что для его глобальных планов ему нужен русский народ. Но ничего существенного дать народу, предназначенному на непрерывное заклание, Сталин не мог: ни земли, ни жилища, ни еды, не предметов быта, ни тем паче свободы, да и кому она нужна. Но он мог дать нечто более довлеющее самой глубинной сути русского народа, такое желанное и сладкое, что с ним и водка становится крепче, и хлеб вкуснее, и душа горячее, — антисемитизм. То была воистину высокая плата за подвиг русского народа в Отечественную войну».

В России всегда существовал этакий тоталитарный извращенческий загиб мысли, который стал почти нормой. Мол, если ты еврей, то не смей защищать евреев и выступать против антисемитизма. А если репрессирован, то не смей ругать Сталина. Так вот, Нагибин не репрессирован и не еврей. Но произошел с ним интереснейший казус. Из-за путаницы в документах и сложности семейных передрыг он некоторое время считал себя сыном еврея. А потом, когда узнал, что его родной отец русский, он несколько не обрадовался этому обстоятельству. Всю страну облетела крылатая фраза писателя: «Я хочу назад в евреи — там светлее и человечнее».

Это напомнило мне замечательный эпизод, когда в конце перестройки в Россию вернулась 90-летняя ученица Гумилева, вдова Георгия Иванова, поэтесса Ирина Одоевцева. Пришла к ней делегация казаков, с погонами, саблями, крестами. «Я не сплю, это не галлюцинация?» — спросила поэтесса. А «казаки» начали поливать евреев и намекать, что пора спасать Россию старым казацким способом. «Ну если так, то я еврейка», — парировала русская поэтесса.

В одном не могу согласиться с Нагибиным: когда он утверждает, что кампания борьбы с космополитизмом поставила окончательный знак равенства между идеологиями коммунизма и национал-социализма. Этот знак был поставлен изначально, поскольку никакой принципиальной разницы между уничтожением людей по классовому признаку или по расовому я не вижу. Можно лишь зафиксировать, что Сталин перекрыл Ленина, Троцкого, Гитлера тем, что объединил две формы геноцида в одну.

Нагибин жил прекрасно, жил в свое удовольствие. Много пил, много любил, добился официального признания, но совесть не потерял, что в условиях русско-советской жизни можно вполне считать подвигом.

Рис. издательство 2004 — 10 февр. — с. 10